

ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17

Анна Анатольевна Забияко,
Амурский государственный университет
(г. Благовещенск, Россия),
e-mail: sciencia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Ксения Александровна Землянская,
Амурский государственный университет
(г. Благовещенск, Россия),
e-mail: phlox@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

«Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода

Актуальность исследования определяется интересом современного литературоведения к методологическим парадигмам изучения текстов художественно-этнографического наполнения в тематическом, жанрово-стилистическом, рецептивном аспектах. Новизна – в источниковедческом, текстологическом, жанрово-стилистическом анализе неопубликованного сборника В. Марта «Рассказы о Востоке». Проблема – в поэтологической реконструкции истории творческой неудачи конъюнктурно грамотного писателя в советской литературе начала 1930-х гг. Методология исследования базируется на жанрово-стилистическом, структурно-семантическом анализе, источниковедческом анализе текстов рукописи с точки зрения их этнографической направленности. Авторы устанавливают типологические черты художественной стратегии В. Марта на основе следующих методов: историко-литературного, структурно-семантического, источниковедческого, мифологических реконструкций. Исследователи констатируют, что объединяющим началом сборника В. Марта «Рассказы о Востоке» служит его «былевая» установка. Автор собрал в единое художественное пространство вариации ранее опубликованных «восточных» рассказов и лишь несколько абсолютно новых произведений (индийской, японской, корейской, китайской тематики). При их создании он применял в основном типологические приёмы, используемые в предыдущих публикациях советского периода: контаминацию традиционных мифологических сюжетов и революционных максим, транспозицию инокультурных реалий на российскую действительность, упрощённые лингво-, этнокультурные, мифологические комментарии и т. д. Авторы статьи пришли к выводу, что сборник скомпоновали в начале 1930-х гг.; при этом ни художественные недочёты, ни проблемы с достоверностью этнографического материала не повлияли на то, что рукопись не приняли в печать. В начале 1930-х гг. ситуация на Северо-Востоке и Юго-Востоке Азии резко изменилась вправо, и роковую роль анахронизма в изображении революционных событий в Китае и других странах конца 1920-х гг. сыграл именно фактографизм, былевая установка В. Марта. Этнографические «были» писателя, собранные воедино, стали убедительными «вредительскими» свидетельствами поражения революционного движения на Востоке и стратегических ошибок советской дипломатии в регионе.

Ключевые слова: художественная этнография, образ восприятия, Китай, Маньчжурия, быль, контаминация, транспозиция

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20-40-х гг. XX в.)».

© Забияко А. А., Землянская К. А., 2021

Anna A. Zabiyo,
Amur State University
(Blagoveshchensk, Russia),
e-mail: sciencia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Kseniya A. Zemlyanskaya,
Amur State University
(Blagoveshchensk, Russia),
e-mail: phlox@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

Stories of the East in the Context of Artistic Ethnography by V. Mart of the Soviet Period

The relevance of the research is determined by the interest of modern literary criticism in the methodological paradigms of studying texts of artistic and ethnographic content in thematic, genre-stylistic, receptive aspects. The novelty lies in the source study, textual, genre-stylistic analysis of the unpublished collection *Stories of the East* by V. Mart. The research problem lies in the poetological reconstruction of the history of the creative failure of the opportunist literate writer in the Soviet literature at the beginning of the 1930s. The research methodology is based on genre-stylistic, structural-semantic analysis, source analysis of manuscript texts from the point of view of their ethnographic orientation. Based on the experience of research published in the USSR and works of artistic ethnography of the writer, the authors establish the typological features of the artistic strategy by V. Mart. Research methods: historical and literary, structural and semantic, source analysis, mythological reconstructions. The authors state that the unifying principle of V. Mart's collection *Stories of the East* is his "old-fashioned" attitude. It turned out that V. Mart collected variations of previously published "oriental" stories and only a few completely new works (Indian, Japanese, Korean, Chinese themes) into a single artistic space. When creating them, he mainly used typological techniques used in previous publications of the Soviet period: the contamination of traditional mythological plots and revolutionary maxims, the transposition of foreign cultural realities into Russian reality, simplified linguistic, ethnocultural, mythological commentaries, etc. The authors of the article came to the conclusion that the collection was compiled in the early 1930s; at the same time, neither artistic flaws nor problems with the reliability of the ethnographic material became the reason for the rejection of the manuscript for publication. Factography in depicting revolutionary events in China and other countries of the late 1920s played the fatal role of anachronism in the early 1930s, when the situation in the Northeast and Southeast Asia changed dramatically. The ethnographic "true stories" of Mart put together became convincing "sabotage" evidence of the defeat of the revolutionary movement in the East and the strategic mistakes of Soviet diplomacy in the region.

Keywords: artistic ethnography, image of perception, China, Manchuria, reality, contamination, transposition

Acknowledgment: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-012-00318 "Images of Russia and China in artistic ethnography (based on the materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s)".

Введение. В 1923 г. в Москву из эмигрантского Харбина приезжает поэт и писатель Венедикт Март (Матвеев). Имея за плечами разнообразный дальневосточный опыт – футуризма [1], художественной этнографии [2], подённости в «жёлтых» газетёнках, – В. Март всеми силами пытается встроиться в советский литературный процесс. Несколько лет вынужденный выживать в Харбине, даже организовывать подписку на собственные неизданные книги¹, В. Март на первых порах ощущает, что готов к требованиям соцзаказа в литературе [3].

С детства воспитанный в народолюбческом духе [4], уже свои досоветские произведения В. Март пронизывает сочувствен-

¹ Алымов С. Правнук Виллона (о Венедикте Марте) // Гонг: журнал современной жизни. – 1923. – № 2.

ным вниманием к жизни простых людей, их чаяниям, их бедам. Поиски писателем новых трактовок, стилистики, форм дискурсивного выражения совпадают с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта»² [5; 6]. Несмотря на ироническую критику со стороны коллег по цеху [2], бывшему дальневосточнику удаётся занять пустующую нишу «востоковеда» в советской литературе.

«Восточный» идеологический вектор возрастающей литературы Страны Советов в середине 1920-х гг. направлен в первую

² Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / под ред. Н. Ф. Чужака. – М.: Федерация, 1929. – 272 с.; Перцов В. История и беллетристика // Новый ЛЕФ. – 1928. – № 4. – С. 3–8.

очередь в сторону политической жизни Китая [7, с. 446–450]. По следам горячих событий В. Март успевает издать «революционно-китайский» «Сборник рассказов» (1928). Линию освобождения угнетённого китайского народа Март продолжит в «повести для детей из быта современного Китая» «Речные люди»¹ (1930), показав события сквозь призму детского сознания и мироощущения своего героя Ку-Сяо [2].

Особое место в художественной этнографии В. Марта советского периода занимает неопубликованный сборник «Рассказы о Востоке»². Его рукопись была послана в ГИХЛ и отвергнута редакторским отделом³. Датировка написания отдельных произведений сборника и их компоновки в художественное целое до конца не ясны [8, с. 133]. Исторические события, описанные в былях и рассказах сборника, относятся к событиям Китайской революции (1825–1927), движению 30 мая 1925 г. в Шанхае⁴, захвату КВЖД в середине 1929 г. При этом уже почти половина текстов, включённых в рукопись, была опубликована под теми же или иными названиями в перечисленных ранее сборниках и отдельно⁵, в разных вариантах. Часть рассказов («Хун Чие-фу», «Красный плат китайки», «В японском мешке») напечатаны писателем в «Сборнике рассказов», были «Фудзяданский кооператор Ван-Сы», рассказы «Прядильщица Лю-Чьен», «Кику» – в ленинградском журнале «Юный пролетарий»⁶. Что же на самом деле стало причиной не-принятия рукописи, большинство из рассказов которой увидели свет в других сборниках?

В данном исследовании мы обращаем внимание на жанрово-тематическое, стилистическое своеобразие неопубликованного

¹ Март-Матвеев В. Н. Речные люди: повесть для детей из быта современного Китая. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. – 51 с.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 1–93.

³ Там же. – Л. 1.

⁴ Неожиданный номер.

⁵ Хун Чие-фу. В японском мешке. Красный плат китайки // Сборник рассказов (с рисунками) / В. Н. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 32 с.; Маленькая прядильщица // Юный пролетарий. – 1928. – № 3; Хитокои // Юный пролетарий. – 1929. – № 11; Маньчжурская быль // Юный пролетарий. – 1929. – № 22; Яд за яд // Вокруг света. – 1934. – № 3.

⁶ Маньчжурская быль // Юный пролетарий. – 1929. – № 22; Маленькая прядильщица // Юный пролетарий. – 1928. – № 3; Хитокои // Юный пролетарий. – 1929. – № 11.

сборника, приёмы, определяющие его художественно-этнографическую специфику. Возможно, это направление работы поможет понять причину «неудачи» В. Марта.

Методология и методы исследования. Историко-литературный контекст советской эпохи исследуется с опорой на работы Н. В. Корниенко и др. В работе используются работы китаеведов, индологов, востоковедов. Имагологические аспекты изучения образов восприятия опираются на исследования «культурного образа» А. Пажо [9], «образа художественного восприятия» А. А. Забияко, Е. В. Сениной [10], изучения образов взаимовосприятия русских и китайцев Ли Иннань [11]. Теоретическое обоснование концепции художественной этнографии, практические подходы к анализу текстов данного направления разработаны в статьях и монографических исследованиях А. А. Забияко, в частности, посвящённых дореволюционному и послереволюционному творчеству В. Марта. Опыт жанровой трансформации писателем художественно-этнографического текста в советский период исследуется с опорой на работы К. А. Землянской.

Результаты исследования и их об- суждение. Рукопись сборника В. Марта с обобщающим «восточным» названием включает шесть «былей» (две «китайских были», «маньчжурская быль», «корейская быль», «индийская быль», «японская быль») и шесть рассказов на китайскую тему.

Внешне рассказы и были объединены одной темой – противостояния простого народа стран Востока (китайцев, корейцев, индийцев, японцев) социальному угнетению. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. становятся эпохальными для национально-освободительных и антиколониальных движений во всём мире (в Индии, Корее и т. д.), потому В. Март расширяет диапазон своих сугубо дальневосточных этнографических интенций⁷ его художественный интерес распространяется и на Юго-Восточную Азию.

«Былевая» жанровая заданность текстов тоже не случайна. Быль, как известно, – это рассказ о том, что «было», то есть о реальных событиях. Казалось бы, понятно: писателю необходимо не только оправдывать своё амплуа «знатока Востока», но и следовать «генеральной линии», а она в это время нацелена на очерковость, фак-

⁷ См., напр.: Март-Матвеев В. Н. Логово рыжих дьяволов. – М.: Гос. изд-во, 1928. – 15 с.

тографизм, злобу дня. Однако Март не был бы тем Мартом – «своим среди чужих, чужим среди своих», который в своё время «и от реалистов ушёл, и от футуристов ушёл», если бы он не использовал второе, фольклорное понимание жанра. Быль в фольклористике – это устный рассказ о событии, с *установкой* на правдоподобность излагаемого, лишенный авторства. По своей стилистике быль сближается с народными легендами, преданиями, сказами. В эти годы отечественная фольклористика обращается к собиранию устной повествовательной прозы в разных регионах СССР¹, в частности, рабочего фольклора² [12].

Структурный принцип былей Марта определяет *жанровая мимикрия*. Это некий «трёхслойный пирог», форму которому задаёт былевой каркас. Развитию сюжета предпослана экспозиция (*зачин*), дающая предысторию изображаемых событий, например:

«Ван вернулся на родину.

Ещё в 1915 году Ван с партией китайских рабочих покинул Китай, чтобы работать где-то далеко-далеко – в Архангельске на постройке Мурманской железной дороги.

Чего только не повидал в тех пор Ван на чужой земле. Железнодорожные работы на самом севере, рытьё окопов во время войны на Западе, борьба с Колчаком на востоке.

Покинул СССР Ван в красноармейской шинели» («На живом теле Китая. Китайская быль»).

В остальных былях – маньчжурской «Фудзядянский кооператор Ван-Сы», японской «Кику», корейской «В японском мешке» – предыстории более развёрнуты за счёт пространственных описаний и даже могут претендовать на самостоятельность как очерки. Но главное то, что в каждом таком зачине автор четко обозначает свою идейно-политическую позицию. Данный структурный принцип позволяет Марту «под сурдинку» написать по той же схеме и некоторые рассказы («Прядильщица Лю-Чьен»,

¹ Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / сост. А. А. Мисюрев; предисл. М. К. Азадовского. – Новосибирск: Новосибирск, 1940. – 228 с.

² Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. – Свердловск: ОГИЗ; Свердлов. обл. изд-во, 1936. – 364 с.; Бажов П. П. Уральские были. Из недавнего быта Сысертских заводов. Очерки / предисл. А. Вилиева. – Екатеринбург: Уралкнига, 1924. – 80 с.

«Человек с шариком. Китайский рассказ»). Поэтому в художественном целом сборника были и рассказы резко не дифференцированы, и, хотя сборник назван «Рассказы...», «былевое» начало в нём доминирует.

Установка на достоверность в первую очередь действует в основной сюжетной линии, что свойственно были как жанру «рабочего» фольклора. Изображена борьба трудового народа Востока, его стремление одержать победу над эксплуататорами, поработителями и колонизаторами: бывший красноармеец, китаец Ван понимает, что спасти его односельчан от навязанной японцами наркомании могут только революционные войска («На живом теле Китая»); «речные люди» помогают революционным китайским войскам («Через Ян-Цзы-Цзян»); заклинатель змей мстит своим обидчикам-англичанам («Яд за яд»); обезьянка отвешивает оплеуху сикху-жандарму («Неожиданный номер») и т. д.

Зло в новеллах рукописи по большей степени персонифицировано: это корейский лекарь-душегуб, по сговору с японцами обманом затянувший всю китайскую деревню в тяжкий морок морфинистской зависимости («На живом теле Китая»); белый офицер Намаконов и жирный китаец-купец Лю-Ханбин, спровоцировавшие убийство передового кооператора Ван-Сы («Фудзядянский кооператор Ван-Сы»); полковник Перкинс, отдающий приказ отравить паралитическими газами демонстрантов-индусов, восставших против поработителей-колонизаторов («Яд за яд»); учитель Чжао-Лин, начётчик и наркоман, мучающий детей в школе, а потом становящийся предателем и карателем своих односельчан («Человек с шариком»), и т. д. Однако В. Март может использовать и обобщённые образы «нанкинских контрреволюционных солдат», «ненавистных белых дьяволов» (англичан) и т. д.

Добро воплощено в образах героев-бессеребрянников, патриотов, искренних радетелей за народное благо – бывшего красноармейца Вана, кооператора Ван-Сы, факира Чаман-лала, рабочего Тина и мужественной прядильщицы Лю, хунхузианки Вы-и и т. д. Их помыслы – чисты, речи – плакатны. Так, герой китайской были «Через Ян-Цзи-Цзян» *Тун-Чен говорит на митинге среди подочников: «...Вы почти все были крестьянами, владели крохами земли... Но долги и налоги пожрали эти крохи;*

пауки-помещики вырвали у вас изо рта **последнюю горсть риса**. Из землевладельцев вы стали арендаторами, из арендаторов – **батраками**. И, наконец, вас во все вытеснили из земли, **вышвырнули на реку...** “Рыжие дьяволы” – европейцы, свои **мандарины, кулаки и генералы доконали вас...**¹.

Описания злодеев и героев носят лубочный характер – в прямом соответствии со стилистическим своеобразием былевой прозы². При этом рассказы о Востоке читаются с большим интересом, тому способствует ряд «чисто-мартовских» содержательных и стилистических примет. Они определяют второй и третий упомянутые ранее слои повествовательной организации.

Восточным «козырем» В. Марта становится художественная этнография: доскональное знание бытовых традиций и национальных характеров японцев, китайцев, корейцев, образовательной системы Китая, историко-политических процессов, русско-китайского пиджина, личный опыт социальной адаптации в Харбине, собственные детализованные познания в опиумокурении, а также активный интерес к расширению этнографического кругозора. Всё это в прозе В. Марта конвертируется в запоминающиеся интродукции, яркие детали, придаёт ещё более правдивый колорит изображаемому:

«В глазах рябит от пёстрых красок, вертявых витрин...

Таков Фудзядян, сосед “города Великих Могил” – Харбина, на могучей кормилице Маньчжурии – реке Сунгари.

Тысячелетия отражаются в облике города. Иногда на высоком шесте выше голов живых прохожих вынырнет волосатая мёртвая человеческая голова с запёкшимися кусками чёрной крови на шее. Это голова хунхуза-разбойника, казнённого в назидание народу» («Фудзядзянский кооператор Ван-Сы»).

Март не скупится на разного рода комментарии – от лингвокультурных («фанза/хата», «в таянг-ване – курильне опиума», «тучки <...> сампэнов-лодок-туфель», «Харбин – город Великих Могил»), этнокультурных («чаще они захаживали вечерами друг к другу – выкурить трубку чёрного опийного дыма или выпить фунт-другой

горячей гаоляновой водки с полсотней треугольников-пельменей» («Фудзядзянский кооператор...»); «На мизинцах обеих рук – большие ногти – винтами, под металлическими колпачками: не обломать. Большой, средний и указательный пальцы правой руки в постоянном движении: ими Чжао-лин вечно крутит маленький шарик. Отполированный, покрытый красным лаком шарик из мягкого дерева для Чжао-лина, что чётки для даосского ламы-монаха на его усердных молениях» («Человек с шариком»)) до мифологических – упрощённых, в духе политпроса: «Отец похоронил мать, вложив в гроб мужские туфли, чтобы в будущем воплощении подруга его жестокой жизни родилась более достойным и счастливым существом, то есть мужчиной» («Прядильщица Лю-Чьен»).

Этнографические зарисовки в основной части рассказов сюжетно значимы. Они служат завязкой – в них содержится описание традиций, которые герои, как правило, должны решительно изжить: мальчик Сяо – перестать выступать с обезьянкой, чтобы заработать себе на жалкую порцию риса; ткачиха Лю Чьен – отринуть многовековые заветы, определяющие поведение китайской женщины; бывший красноармеец Ван – разорвать наркотические сети, раскинутые над его односельчанами – англичанами, японцами и их корейскими прихвостнями, и т. д.

Писатель выбирает наиболее яркие приметы традиционной жизни и быта народов Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии – культурные коды, отвечающие за стереотипизацию образов восприятия восточной инокультуры. Например, в «китайском рассказе» «Человек с шариком» таким героем становится Чжао-лин – учитель в сельской китайской школе. Знаковыми мазками-деталлями Март характеризует многовековую китайскую систему образования (кстати, сохранившуюся в своих концептуальных основах до нашего времени): «Вся жизнь Чжао-лина вложена в бессчётные иероглифы – пестрящие знаки, начертанные десятки веков назад мудрым Конфуцием и его учениками <...> В школе учитель свято соблюдал древние традиции. Он никогда не улыбался в присутствии учеников и никогда не сказал ни одного ласкового слова ученику. Проявление радости добрых человеческих чувств в присутствии учеников считалось недопустимым для учителя:

¹ РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 57.

² Сибирские сказы, предания, легенды / сост. А. Мисюрев; послесл. Н. А. Каргаполова. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. – С. 4.

такая «слабость» нарушила бы обычай старого времени»¹.

Нет ничего удивительного в том, что тематически большинство рассказов сборника – «китайские»: здесь В. Март «у себя дома», к тому же большая часть этих рассказов была написана им ранее. Его интересует базовая основа традиционной картины мира китайцев – переходная обрядность. В рассказе «Хун Чиэ-фу» это похоронная традиция и культ предков: главный герой старик Хун Чиэ-фу уже три года носит траур по казнённому сыну: «Он нацепил белую шишечку на шляпу и надел белые туфли»². Герой рассуждает о смерти как об единственной желанной последней встрече «на осиротелом тупике его жизни»³. В сюжетной основе рассказа «Красный плат китайки. Китайская быль» – свадебные, семейно-бытовые традиции⁴.

Одним из характерных приёмов художественной этнографии В. Марта советского периода становится про-революционная трансформация традиционных мифологических сюжетов. Усечение архетипического сюжета, его новая интерпретация, транспозиция представлений о священном на новые мифологемы, контаминация разных мифологических сюжетов обнаруживается практически во всех этнографических текстах автора той поры («Дэрэ – водяная свадьба» [13], «Речные люди» [2, с. 307]). В «Красном плат китайки» таким революционным образом «эксплуатируется» легенда о небесной ткачихе Чжи-нью и её возлюбленном, волопасе Нью-лане [14, с. 108–110]. В комментариях к рассказу В. Март выносит легенду о происхождении национального праздника пряльщиц седьмого числа седьмой луны [15], укорачивая народную легенду и оставляя лишь те структурные её элементы, что соотносятся с событиями рассказа. Март акцентирует «эксплуататорскую» подоплеку несчастий Чжи-нью.

Романтический эпизод вышивания Вы-и на красном «революционном» платке клятвы отмщения за жизнь своего любимого мужа Тянь-ши-нэ соотносится с известным литературным сюжетом. «Красный плат» уподоблен легендарному парчовому платку известной китайской поэтессы Су Жолань (IV в. н. э.), на котором та вышила поэму

¹ РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 75.

² Там же. – Л. 1.

³ Там же. – Л. 2.

⁴ Там же.

из 841 иероглифа в виде палиндрома. Красивая любовная история, которая должна была вписать трагедию Вы-и в общекультурный китайский контекст, также востребована В. Мартом лишь частично – исключительно в её антиэксплуататорской части.

Наряду с мифологическими и литературными аллюзиями писатель обытовляет своё былевое повествование, усиливая эффект этнографической достоверности. В рассказе «Через Ян-Цзы-Цзян. Китайская быль» этнографический колорит В. Марту обеспечивает подробное описание процесса рыболовного промысла на юге Китая⁵ – древнейший китайский способ ловли рыбы на баклана, для лучшего понимания советским читателем именуемого кормораном (*cormoran* – фр., нем.)⁶.

Сюжет рассказа «Дракон комсомольца Ли-Хуна» отталкивается от традиции встречи китайского Нового года, самого любимого и самого древнего семейного праздника. Писатель подробно описывает ритуальные действия, сопровождающие многодневный праздник. Вершиной празднования становится шествие по улицам города дракона, который в рассказе выполняет роль троянского коня: под масками и звериными шкурами скрываются революционеры, в финале рассказа безжалостно расправляющиеся с «вечными врагами китайского народа»⁷. В. Март контаминирует расхожий гомеровский сюжет с китайской живой мифологией. Традиционный красный цвет лент соотносится с набирающим силу коммунистическим движением, стрекот пулемёта – с треском хлопушек, отгоняющих злых духов, которые в рассказе персонифицированы в чиновников и солдат, укrywшихся в Яо-Мыне. Таким образом, обращённый на самом деле в глубокую древность китайский Праздник Весны по воле В. Марта знаменует начало нового времени, возвещает коренную революционную ломку старой жизни и одновременно вписывается в широкий культурный и литературный контекст.

Не являясь специалистом в индийской теме, недостаток научных знаний в повествовании «Яд за яд. Индийская быль» В. Март компенсирует огромной эрудицией, писательским чутьём и пониманием задач соцзаказа. Для советского читателя индийская тема вплоть до 1947 г. была практи-

⁵ Там же. – Л. 55.

⁶ Там же. – Л. 61.

⁷ Там же. – Л. 18.

чески terra incognita [16]¹. Кроме кратких сведений географического, политического, экономического характера, в брошюрах, предназначенных политработникам, неизменно высказывалась уверенность в коммунистическом будущем Индии², созданном массами «эксплуатируемых рабочих, крестьян и угнетённых париев, которые стремятся сейчас, помимо всех кастовых и иных перегородок, установить союз борьбы с революционным пролетариатом всего мира»³. Основная идея этих изданий – грядущая победа революционного и антиколониального движения в Индии⁴.

Автор мог узнать о змеином промысле и традициях заклинания змей в дореволюционных рассказах Н. Карпова⁵ и многократно переиздававшейся в советскую пору «Жизни животных» А. Брэма⁶. Кроме того – в номере журнала «Всемирный следопыт», где В. Март опубликовал свой этнографический триллер «За голубым трепангом» (1928, № 3), не только обложка представляла собой красочное изображение факира со змеёй, но и был представлен мини-цикл «змеиных историй» Шелланда Брэдли «Заклинатель змей» и «Индусские змееловы»⁷.

Однако писатель не повторяется. Он представляет читателю подробную кастовую классификацию людей, «*профессии которых связаны с ловлей и заклинанием змей*»⁸, к одной из которых жители индийского предместья – «крысиного скопища» – пытаются отнести главного героя рассказа Чаман-Лала [17; 18]. Для убедительности в этнографической состоятельности описываемого В. Март подробнейшим образом перечисляет виды змей, подходящих для работы заклинателя: «*Корзины дополна кишели светло-шоколадными виперами, юркими змеями-крысами, зелёными дре-*

*весными змеями и самыми разнообразными очастыми “тшинта-негу”. Здесь были и совершенно чёрные, и жёлто-оранжевые, и бледно-коричневые, и отливающие всеми цветами радуги, перламутровые, пятнистые кобры»*⁹.

Март подробнейшим образом воссоздаёт этапы подготовки змеелова и заклинателя; читатель узнаёт о материалах ловли и правилах поведения змееловов. При этом автор снова использует приём мифологической транспозиции, поражающий воображение читателя и убеждающий в предопределённости коммунистического выбора индусом-заклинателем – герой рассказа Чаман-Лал «*принадлежал к новому жуткому тайному ордену целующихся змей. На его дудочке, которой он вызывал змей из гнёзд, был начертан странный знак: – крест-накрест серп и молот в ореоле-кружке перевившихся целующихся змей; внизу хвосты змей упирались в священный цветок индусов – лотос*»¹⁰.

В финале рассказа змеи становятся орудием мести, адресованной мистеру Перкинсу. В подобной развязке Март, с одной стороны, грешит против этнографических и натуралистических фактов – как известно, миролюбивому характеру индусов претит склонность к убийству, тем более, столь изошрённому. Кроме того, сами змеи, как правило, не трогают человека, если тот не ведёт себя агрессивно. С другой стороны, тем же индусам присуща вера в то, что змеи кусают лишь тех, кто нарушает религиозные традиции и нравственные установки. И здесь английский чиновник Перкинс – самый подходящий объект.

Третий уровень мартовской художественной этнографии обнаруживается на уровне металитературной и метастилевой рецепции. Писатель потрафляет не только вкусу среднего советского читателя – он постоянно декларирует свою встроенность в новую социалистическую эстетику и идейную направленность советской литературы. Помимо подчёркиваемой самоидентификации своих текстов с актуальным жанром *были* Март соотносит их с прозой Б. Пильняка (абзацная ритмизация, постоянное использование тире, ономотопеи); А. Се-рафимовича (описания движения революционных масс); с «обличительной» (по тем временам) прозой А. Чехова («Человек с

¹ Штейнберг Е. Индия / под ред. Т. Паскаля. – М.: Новая Москва, 1925. – С. 1.

² Бартенев О. Индия. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 31 с.

³ Штейнберг Е. Индия / под ред. Т. Паскаля. – М.: Новая Москва, 1925. – С. 108.

⁴ Там же; Бартенев О. Индия. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 31 с.; Али М. Индия. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1930. – 32 с.; Кочарьянц Г. Индия. – М.: Молодая гвардия, 1930. – 62 с.

⁵ Карпов Н. Заклинатель змей // Аргус. – 1913. – № 6. – С. 87–95.

⁶ Брэм А. Жизнь животных: в 13 т. – СПб.: Деятель, 1911–1916.

⁷ Брэдли Ш. Змеиные истории. Заклинатель змей // Всемирный следопыт. – 1928. – № 3. – С. 210–218.

⁸ РГАЛИ. – ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 44.

⁹ Там же. – Л. 48.

¹⁰ Там же. – Л. 45.

шариком»). Включая «соцреалистические» культурные коды, писатель словно сигнализирует: я свой, я с вами, мои тексты – плоть от плоти русской словесности в её новом, социалистическом, изводе.

К сожалению, ни эти послы, ни авторские окказиональные узоры, ни интереснейшие этнографические и историко-политические подробности не помогли сборнику «Рассказы о Востоке». Причина не-публикации рукописи, очевидно, – не в этом. Реальность была такова, что к 1932 г. китайская революция захлебнулась, всю наступала японская оккупация Маньчжурии, и в целом – утопические планы СССР и Коминтерна на скорую революцию в Восточной Азии потерпели фиаско. Потому финалы в «Рассказах о Востоке» В. Марта по большей части пессимистичны и исполнены трагического пафоса. Особенно страшен финал предпоследнего рассказа – «Человек с шариком», описывающий события, наступившие после «уханьского предательства»¹.

На листах рукописи «Рассказы о Востоке» указан адрес автора: «г. Киев, Львовская улица, дом № 33, кв. 19, В. Н. Матвееву».

В 1932 г. писатель был отправлен в свою вторую ссылку в Киев, куда он попал за очередные вольные проделки, и находился там по 1934 г. Таким образом, рукопись была передана в издательство не ранее 1932 г., что многое объясняет.

Заключение. Фактографизм и установка на достоверность как раз и стали ахиллесовой пятой В. Марта. События, описываемые писателем в «Рассказах о Востоке», свидетельствуют об определённых неудачах коммунистического движения и советской дипломатии. Над самим писателем уже тогда начали сгущаться тучи как над «японским шпионом» и «белогвардейским пособником», за что в 1937 г. его арестовали и после скорого суда расстреляли.

Дальнейший имманентный анализ неопубликованных текстов сборника, текстологическое соотнесение их с ранее изданными вариантами, встраивание данных материалов в общую парадигму исследования художественной этнографии В. Марта советского периода и его творческой биографии в целом представляют собой ближайшую перспективу продолжения данной темы.

Список литературы

1. Кириллова Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Кн. 1. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 636 с.
2. Забияко А. А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) // Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 283–307.
3. Землянская К. А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Культура, литература, история дальневосточной эмиграции в воспоминаниях, письмах, архивах: сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. С. 161–171.
4. Takayuki Yokota-Murakami. The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East // Primerjalna knjizevnost – Ljuljana. 2009. Vol. 32. Pp. 123–135.
5. В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов / отв. ред. О. А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 608 с.
6. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
7. Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток-Запад, 2004. 608 с.
8. Гребенюкова Н. «Мой сын возлюбленный...»: письма Венедикта Марта из саратовской ссылки // Словесница искусств. 2019. № 1. С. 129–133.
9. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle // Synthesis. Bucarest. 1981. No. VIII. Pp. 169–185.
10. Забияко А. А., Сенина Е. В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 1. С. 166–171.
11. Ли Иннань. Русские и китайцы: образ «другого» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 140–147.

¹ Речь идёт о событиях 7 апреля 1927 г., когда в Ухане состоялся V Всекитайский съезд КПК, в его работе приняли участие Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай [19, с. 271].

12. Аникин В. П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики // Фольклор Урала. Вып. 9. Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1986. С. 5–12.
13. Землянская К. А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13. Народы и культуры Северо-Восточного Китая: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. С. 304–313.
14. Юань Кэ. Легенды и мифы китайской нации. Чэнду: Народное изд-во провинции Сычуань, 2019. 992 с. @ @ 袁珂. 华夏民族的传说与神话. 成都: 四川人民出版社, 2019, 992 页.
15. Ци Ляньсю, Сяо Ли. Словарь китайских легенд и историй. Пекин: Издательский дом Китайской федерации литературы и искусства, 1992. 906 с. @ @ 祁连休, 肖莉. 中国传说故事大词典. 北京: 中国文联出版社, 1992. 906 页.
16. Сапанжа О. С. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4. С. 22–27.
17. Гусева Н. Р. Индия в зеркале веков. М.: Вече, 2002. 448 с.
18. Ольденбург С. Ф. Культура Индии / сост. И. Ю. Крачковский. М.: Наука, 1991. 277 с.
19. Jacobs D. N. Borodin – Stalin’s man in China. Massachusetts: Harvard University Press, 1981. 381 p.

Статья поступила в редакцию 08.05.2021; принята к публикации 30.06.2021

Сведения об авторах

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>.

Землянская Ксения Александровна, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: phlox@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>.

Вклад авторов:

А. А. Забияко – основной автор, исследовала концептуальное развитие методологии анализа жанровых разновидностей художественной этнографии, осуществляла источниковедческий анализ.

К. А. Землянская осуществляла жанрово-стилистический анализ художественных текстов, исследовала историко-литературные и биографические реконструкции творчества Венедикта Марта.

Для цитирования:

Забияко А. А., Землянская К. А. «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17.

References

1. Kirillova, E. O. Far Eastern harbor of Russian futurism. Book. 1: Modernist trends in the literature of the Russian Far East 1917–1922. (poetic names, ideological and artistic searches). Vladivostok: DVFU, 2011. (In Rus.)
2. Zabyako, A. A. From the mysticism of the East to the literature of fact (Venedict Mart). The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk: SO RAN, 2016: 283–307. (In Rus.)
3. Zemlyanskaya, K. A. “Death under the mask. Christmas story” by Venedict Mart: the fictional experience of a Soviet writer. Ed. by Zabyako A. A., Efendiev G. V., Russian Harbin imprinted in the word. Issue 8. Culture, literature, history of the Far Eastern emigration in memoirs, letters, archives. Blagoveshhensk: Amur State University, 2021: 161–171. (In Rus.)
4. Takayuki Yokota-Murakami The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East. Primerjalna knjizevnost – Ljuljana, 2009: 123–135. (In Engl.)
5. In Search of a New Ideology: Sociocultural Aspects of the Russian Literary Process of 1920–1930. Moscow: IMLI RAN, 2010. (In Rus.)
6. Kornienko, N. V. “The NEP Thaw”: the Formation of the Institute of Soviet Literary Criticism. Moscow: IMLI RAN, 2010. (In Rus.)
7. Voskresenskiy, A. D. China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Interactions. Moscow: Vostok-Zapad, 2004. (In Rus.)
8. Grebenukova, N. “My beloved son ...”: Letters from Venedict Mart from the Saratov exile. Word of the arts, no. 1, pp. 129–133, 2019. (In Rus.)

9. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. no. VIII, pp. 169–185, 1981. (In French)
10. Zabiyaĳ, A. A., Senina E. V. The artistic image of the perception of a foreign culture as a category of imagopoetics. Social and human sciences in the Far East. Vol. XVIII. no. 1, pp. 166–171, 2021. (In Rus.)
11. Li Innan'. Russians and Chinese: The Image of the "Other". Russia and China on the Far Eastern Borders. Russians and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Interaction. Ed. by Zabiyaĳ A. P. Blagoveshensk: Amur State University, 2010: 140–147. (In Rus.)
12. Anikin V. P. Working folklore and modern problems of folklore. Folklore of the Urals. Issue 9: Folklore in the Spiritual Culture of the Modern Working Class. Sverdlovsk: Ural State University, 1986: 5–12. (In Rus.)
13. Zemlyanskaya, K. A. Wedding rituals of Golds in the artistic ethnography of Venedict Mart (based on the story "Dere – Water Wedding"). Russia and China at the Far Eastern Frontiers: Peoples and Cultures of Northeastern China. Ed. by Zabiyaĳ A. A. Blagoveshensk: Amur State University, 2020: 304–313. (In Rus.)
14. Juan', Kje. Legends and myths of the Chinese nation. Chengdu: Narodnoe izd-vo provincii Sychuan', 2019. (In Chinese)
15. Ci Lyan'syu, Syao Li. Dictionary of Chinese legends and stories. Beijing: Izdatel'skij dom Kitajskoj federacii literatury i iskusstva, 1992. (In Chinese)
16. Sapanzha, O. S. Images of India in Soviet everyday culture in the 1950–1960s. SPbGIK Bulletin, no. 4, pp. 22–27, 2018. (In Rus.)
17. Guseva, N. R. India in the mirror of centuries. Moscow: Veche, 2002. (In Rus.)
18. Ol'denburg, S. F. Indian culture. Moscow: Nauka, 1991. (In Rus.)
19. Jacobs, D. N. Borodin – Stalin's man in China. Massachusetts: Harvard University Press, 1981. (In Engl.)

Received: May 5, 2021; accepted for publication June 30, 2021

Information about authors

Zabiyaĳ Anna A., Doctor of Philology, Professor, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>.

Zemlyanskaya Kseniya A., Postgraduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: phlox@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>.

Contribution of authors:

A. A. Zabiyaĳ – main author; conceptual development of the methodology for analyzing genre varieties of artistic ethnography; source analysis.

K. A. Zemlyanskaya – genre and stylistic analysis of literary texts, historical, literary and biographical reconstructions of the work of Venedict Mart.

For citation:

Zabiyaĳ A. A., Zemlyanskaya K. A. *Stories of the East in the Context of Artistic Ethnography by V. Mart of the Soviet Period* // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17.